

ДАР

* * *

Когда огонь под звездами горит,
когда мужчина с Богом говорит
и возле ног его лежит собака, –
молчат и ждут работа и война,
пока о них напомнят письма,
записанные шифром зодиака.

Дым над огнем, над трубкою – дымок.
Разматывает время свой клубок –
открыть не хочет Бог, что в нем таится:
нет большего несчастья – это знать.
А знание бродит в темноте, как тать,
и лишь собаки у огня боится...

* * *

В плохую ночь, в метель предзимнюю
беглянка память, сделав круг,
прокралась волчьей низиной
и мне навстречу вышла вдруг.
И я – сквозь времена пропащие,
сквозь снега липкие клочки –
в упор ей заглянул в горячие
желто-зеленые зрачки.

И в даях одного пожарища
обрушились и стерлись в прах
мои убежища-пристанища
в семидесяти городах.

Но высветил среди птиц непуганых
предзимний слюдяной закат
нору из мшистых бревен буковых,
над нею земляной накат.
И тонкий острый дым – как лезвие,
направленное в облака
сквозь глинобитное отверстие
распаленного очага, –
где, занят печенью лосиной,
огонь вышептывает зов

для духа,
волчьей низиной
крадущегося из лесов.

А рядом у ковша с водицею
лежит пустая волчья кость
и нож, обвязанный тряпицею, –
чтоб лапы не поранил гость.

Пусть он придет, железом меченный,
оставив чащи позади,
на запах обгорелой печени –
не опасаясь западни.
Пусть в глубине норы бревенчатой,
чуть пригасив зрачки свои,
увидит он мужчину с женщиной,
соединившихся в любви.
И думой о себе – несытою,
неукротимой, как леса,
войдет он в их полуприкрытые
желто-зеленые глаза.
И – лишь к утру
по следу темному
уйдет, передохнув в тепле,
но им – и сыну нерожденному
поможет выжить на земле.

И угли пеплом не покроются,
отбушевав в ночной игре
на праздник Волчьей Богородицы
в дохристианском ноябре.

* * *

Окалины калины
темнеют пообочь...
Ты на две половины
разламываешь ночь.
По леву руку – молча –
без сердца и лица –
лишь холод
шерстью волчьей
взъерошивается.
Глядит по праву руку
печально, как изгой,
твоя тоска по другу
и теплоте мирской.
Но до глубин Вселенной –
на миллионы верст –
ни справа и ни слева
не зажигают звезд...
И не пытаюсь злобу
растрогать добротой,

пойдешь ты по разлому
дымящейся травой.
Среди страстей и тягот,
где посвист твой звучит
и гроздь промерзших ягод
до сладости
горчит.

ЧЕРДАК

Мой чердак – волшебная шкатулка.
Осторожно поднимусь я кверху –
чтоб не разбудить ступенек гулких,
медным ключиком открою дверку...
И обнимет сладкая рутина
старых книг, знобящего покоя;
высоко качнется паутина
над зажженной свечкой восковою...
Стрелочки моих часов послушных
будет тихо двигать звездный Логос.
И помогут вызвать духов нужных
чучело совы и пыльный глобус...
И когда в наплывах белой пены
заколеблется свечное пламя,
запоют взволнованные стены
только мне понятными словами.

СКАЗКА О ПУСТЫНЕ

Моя пустыня – мой дом игорный,
где узкий вход охраняют джинны.
В моей пустыне верблюд двугорбый
везет воды и вина хурджины.
Над ней кружится орел без свиты –
хранитель властный... И – на везенье –
столы в зыбучих песках покрыты
сукном зеленым травы весенней.
Прозрачные – золотятся стены
от встроенных в них раздвижных макетов
дворцов, отелей, садов, бассейнов,
церквей и пагод, и минаретов...
В моей пустыне младенец месяц
глядит из туч, как разбойник ражий.
Но я единственный здесь владелец
всех парадоксов и всех миражей.
Здесь ветер в замке воздушном шарит,
в руках банкнота песком крошится,
несется солнце – рулетки шарик,
миры творятся... Орел кружится.
И возле вечнозеленой травки,
не тронутой ни жарой, ни стынью,
здесь черт и ангел делают ставки

на дом игорный – мою пустыню.
Один – швыряет насмешки грубо,
а у другого улыбка – сдоба;
и переигрывая друг друга,
неутомимо блефуют оба.
Лишь я на обоих могу прикрикнуть.
А вы – все будьте здоровы-живы
и не пытайтесь сюда проникнуть.
Ведь если даже пропустят джинны,
мгновенно среди пространств безмерных
и стен, не видных вашему глазу,
разденут вас донага, во-первых, –
колоды с крапом отнимут сразу.
Орлу медлительному в угоду
за стол усадят в песках зыбучих,
дадут на выбор вино и воду,
но их подменит разбойник в тучах.
Верблюд пройдет сквозь ушко иголки,
которой будут пришиты плотно
надежды ваши и кривотолки
к плывущим вдаль миражным полотнам.
В мою пустыню войти непросто,
уйти труднее – тропой сквозною.
А выигрыш – несколько парадоксов –
всегда придется делить со мною.

* * *

Ночь, проступив сквозь кольцо чернотала,
к стеклам прильнула, к колодцу припала
и широко растеклась по равнине...
Мягко белеет в ее сердцевине,
в темной глубине – безнадзорной, кромешной –
шея лебяжья на лапе медвежьей.
В слитном их сне и в пространстве без края
слились и женская плоть, и мужская.
Соединились и рокот, и шелест,
пух облаков и оврагов замшелость,
первых снежинок колючая россыпь,
легкость крыла и когтистая поступь.
Два существа, будто корень с вершиной,
сплавились в сущности нерасторжимой:
неопалимое – в пламени белом –
древо восходит к безвидным пределам,
ветви крылато горящие множит...
Но от земли оторваться не может.
Об облаках и оврагах тоскуя,
снова на женскую плоть и мужскую –
сверху – оно начинает двоиться...
Чтоб на заре из колодца напиться
и прочесть на притоптанных росах
руны о чувственных метаморфозах.
Чтоб сквозь густое кольцо чернотала

медленно новая ночь проступала
и – растеклась по равнинному кругу,
скрыла двоих... и прижала друг к другу.

* * *

Рядом со связками красными перца сушеного,
тыквой на дряхлом буфете и банкой хурмы
Дух чердака бережет паука воскрешенного,
отогревая гамак его среди зимы.

Дух чердака одиноко скрипит половицами,
запах кофейный вдыхает, золу ворошит
и пожелтевшими от ожидания страницами
рукописей,
как осенней листвою, шуршит.

Он умирает, прощаясь с химерами давними,
тянется к снегу густая его борода...
Но, ощущая, как холоден ветер за ставнями,
Дух чердака воскрешает себя...

И когда
по вечерам раскаляется печка чугунная,
в легком пальто – и уже не боясь паука –
к доброму Духу является женщина юная –
тяжесть его ощутить
в гамаке чердака.

ЛЮБОВЬ КОЛДУНА

Несутся листья. Ветрище дует.
Над кряжем гор Козерог уперся
рогами в тучу.
Сорвало с крыши
незакрепленную черепицу.
Сквозь эту щель загудит пространство,
когда в ночи ты поднимешь руки.
– О, не противься! – пространству крикнешь.
И – Козерогу:
– Не упирайся!
Пусть быстро тучи займут все небо,
захлещет дождь...
И как лист – от вишни,
от заметавшейся в вихре стаи
пусть оторвется одна голубка.
Ее глаза – изумрудны. Крылья –
белы и мягки. В изгибе шеи
таится нежное воркованье.
И ветру крикнешь:
– Сгибай деревья,
сорви еще одну черепицу!

Чтоб гостье было впорхнуть просторней,
чтоб не поранилась, залетая...
Чтоб знала: здесь для нее – спасенье,
и выбора нет...
Я свой выбор сделал.

ДАР

1

Еще случаются, как сны твоей свободы,
похожие на юность дни,
когда высоты
над мирной синевою взгляд увеселяют,
все выше ласточки летят,
дома сияют.
Протяжный солнечный простор надежды нежит,
не слышен в нем базарный ор,
зубовный скрежет.
И дышит синева вольней – с душою слитно,
настоль прозрачная, что в ней
глупцов не видно.
И веря в мир такой сполна – наивной верой,
ты знать не хочешь, что она
жива химерой;
что все труднее видеть свет на небе хмаром
и на земле держать ответ
пред Божьим даром.

2

В луне – летят от холодов
чернеть и гоголь.
В реке –
от скальных валунов
чуть-чуть поодаль –
ударил неуснувший сом
хвостом-снарядом
и отогнал пернатый сон,
круживший рядом.

У лодки ты присел на ось
скрещённых весел,
пузырь сома
и щепня горсть
в огонь подбросил.
И дымно – холодам навстречь
метнулось пламя,
и стала вдруг понятна речь
воды и камня:

«Не улетишь от холодов
в лучах бездонных –
дождешься ты своих плодов
в ночах бессонных.

Прорвешь запутанную сеть
 Тоски и гнева...
 И – будешь знать,
 и – будешь сметь,
 и жаждать – немо.
 Ни на каком земном суде
 не оробеешь.
 Но – скажешь слово в суете, –
 окаменеешь.
 Землею обрастешь –
 слепой
 в дождливой хмари, –
 и позавидуешь любой
 пернатой твари...»

3

В безмолвье лунный свет пророс
 пространству – в очи...
 Умолк и желтоклювый дрозд
 на ветке ночи.
 И плотно обжимая дом,
 до выси горней
 стоит такая тишь – комком,
 как слезы в горле.
 Душою, кожей ощути
 земные пути...
 Текут по Млечному Пути
 твои минуты,
 в безмолвье, как вода, текут...
 Но в нем – широком –
 откуда чуешь этот гул
 и слышишь рокот?
 Теряя силу, изнутри
 земля рокочет.
 Почувствуй крылья. Посмотри
 пространству – в очи.
 Безмолвно – к слову – поднимись
 в свои просторы
 за лунный свет, откуда мысль
 сдвигает горы.

* * *

Даль-дорога русская – то бела, то синя,
 до чего ж ты пúстыня-пустыня-пустыня.
 Бурями просвистана, выжжена до праха,
 над тобой расхристана облаков рубаха,
 ночь дымится-дыбится, быстро дни ветшают...
 И твои пустынницы на ветру рожают.
 Не от волчьих зимников, где нужна оглядца,
 у твоих пустынников зыркалы слезятся.
 Держим веру вечную, словно в крест нательный, –
 в речку беломлечную, в бережок кисельный.

А не видно спереди киселя и млека...
Но увижу нелюдя или человека,
или тень миражная к сердцу припадает, –
есть в душе для каждого то, что подобает.
В ней – сады негрустные, чтоб не бедовала...
Неужели в пúстыни этого мне мало?
Жаждой сам измученный, может, к каравану
птичьему – тягучему – осенью пристану.
И с высот проглянется, что пустынь-дорога
так далёко тянется,
как от нас – до Бога...

* * *

Мгла – белей молока – по утрам над бахчами,
и большая река остывает ночами.
Месечина кругла, бледно солнца огниво...
Сыты перепела, кружит ястреб лениво.
И трава и листва – ядовитого цвета –
темным златом едва – по краям, но задета...
И любовь, что сбылась сновидением вещим
и, как плод, налилась и созрела до трещин,
с простотой несмешной льстит себе – обладаньем
умудренной душой перед похолоданьем.
И живет на авось – с неостуженным взглядом.
Что ж, пройдем наискось даль, задетую златом;
словом, сказанным зря, лишний раз не встревожим
своего сентября на просторе Стрибожьем.